

Анатолий Чудинов

Уральский государственный педагогический университет

Космонавтов, 26, 620017 Екатеринбург, Россия

Тел.: (3432)12 33 85

E-mail: ap_chudinov@mail.ru

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКЕ

В настоящей статье рассматриваются основные направления современной российской политической лингвистики на основе следующих противопоставлений:

– исследования в области теории политической лингвистики – описание отдельных элементов политического языка;

– хронологические рамки исследования: советская или постсоветская эпоха;

– уровни анализа: фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, текст и дискурс;

– нормативный подход – дескриптивный (описательный) подход, то есть фиксация и изучение новых явлений без их оценки;

– изучение отдельных политических жанров, нарративов и текстов или исследование общих признаков политического языка;

– исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий или изучение общих закономерностей политического языка;

– дискурсивное изучение коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик – исследование политического языка;

– использование методов психолингвистики, когнитивистики, социолингвистики, лингвокультурологии, структурализма и др.;

– изучение российской политической речи – сопоставительные исследования политических дискурсов различных стран и эпох;

– специальные исследования в области политической лингвистики – материалы по политической лингвистике, содержащиеся в трудах по другим областям науки.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лингвистика, политика, российский, язык, речь, текст, жанр, стиль, дискурс.

Российская политическая лингвистика – относительно новая научная дисциплина, возникшая на стыке лингвистики с социологией и политологией и занимающаяся изучением специфики политической коммуникации. Современные исследователи, с одной стороны, сознательно дистанцируются от некоторых традиций изучения политической речи, характерных для советской лингвистики, а с другой – тесно связаны с традиционными научными школами.

В истории изучения политического языка советской эпохи можно выделить три периода. Первый из них приходится на 20–30-е годы, когда Г. О. Винокур, С. И. Карцевский, Б. А. Ларин, Е. Д. Поливанов, А. М. Селицев, П. Я. Черных, Р. О. Якобсон изучали

преобразования, происходящие в русском литературном языке после 1917 года. Были обнаружены значительные изменения в лексической и стилистической системе (прежде всего появление множества аббревиатур, экспансия варваризмов и диалектизмов, значительное влияние просторечия и одновременно официально-деловой речи, сдвиги в семантике и эмоциональной окраске многих слов).

Второй период приходится на 30–40-е годы, когда последователи Н. Я. Марра стремились выделить и автономно описать «язык эксплуататоров» и «язык трудящихся» как едва ли не отдельные системы в рамках национального языка. Определенный историко-лингвистический интерес представляют

также опубликованные в этот период работы, в которых представлен лингво-политический анализ «языка и стиля» некоторых советских политических лидеров: М. И. Калинина, С. М. Кирова, В. И. Ленина, И. В. Сталина и других. Авторы указанных исследований отмечали ораторское мастерство большевистских руководителей, «народность» их речи (в смысле ее доступности для широких масс). С этими выводами (если с пониманием отнестись к тому, что в таких работах доминировал восхваляющий пафос) следует согласиться: плохой оратор просто не способен стать лидером в стране, где кипят революционные страсти, или одержать верх в острых внутрипартийных дискуссиях, так характерных для первых лет советской власти.

Третий период в изучении советского политического языка относится к 50–80-м годам, когда проблемы политической речи рассматривались в публикациях по теории и практике ораторского искусства и лекторского мастерства (Г. З. Апресян, Л. А. Введенская, Н. Н. Кохтев, В. В. Одинцов и др.), при освещении деятельности средств массовой коммуникации (В. В. Виноградов, Ю. А. Бельчиков, В. Г. Костомаров, Д. Э. Розенталь, Г. Я. Солганик и др.), в исследованиях по вопросам агитации и пропаганды. Эти проблемы занимали важное место и в некоторых публикациях, посвященных развитию русского языка в послеоктябрьский период, его стилистической дифференциации, обогащению его лексико-фразеологического фонда (В. В. Виноградов, П. Н. Денисов, С. Г. Капралова, А. Н. Кожин, Т. Б. Крючкова, М. В. Панов, И. Ф. Протченко и др.). Среди советских ученых были и блестящие мастера эзопова языка, и искренние сторонники господствующей идеологии, и люди, для которых сама возможность заниматься наукой значила больше, чем рассматриваемый материал. Наши языковеды смогли многое сделать и многое сказать (иногда между строк).

Совершенно особое место в изучении русского политического языка занимают

зарубежные исследования (Андре Мазон, Астрид Бэкунд, Эгон Бадер, Патрик Сериио и др.), в том числе публикации российских эмигрантов (С. М. Волконский, И. Земцов, С. И. Карцевский, Л. Ржевский, А. и Т. Фесенко и др.) и лингвистов из бывших советских республик – ныне суверенных государств (В. В. Дубичинский, А. Д. Дуличенко, Э. Лассан, С. Н. Муране, Б. Ю. Норман, Г. Г. Почепцов, И. Ф. Ухванова-Шмыгова и др.). Как справедливо писал Сергей Есенин, «лицом к лицу лица не увидать»: взгляд «со стороны» иногда позволяет увидеть даже больше, чем наблюдения над языковой ситуацией «изнутри». Кроме того, нельзя забывать, что жесткая цензура и самоцензура часто не позволяли советским лингвистам в полной мере высказать свою точку зрения, тогда как авторы, работавшие за рубежом, были в этом отношении относительно свободны. С другой стороны, многие эмигранты «первой волны» оказались слишком суровыми критиками и отвергали едва ли не любые инновации послереволюционного периода.

Обсуждение проблем политической коммуникации в отечественной лингвистике советского периода происходило по существу вне контекста мировой науки. Западные публикации по этой проблематике считались идеологически порочными и по различным причинам почти не были известны в нашей стране. Положение изменилось только в конце XX века, когда демократизация общественной жизни сделала политическую коммуникацию в России предметом массового интереса и стала возможной объективная оценка трудов крупнейших зарубежных специалистов в области политической коммуникации.

В России формирование политической лингвистики как особого научного направления происходило в последнее десятилетие XX века, чему способствовали как бурные изменения в политическом языке, отражавшие коренные социальные преобразования в постсоветской России, так и появление возможности открыто выражать свои взгляды, использовать опыт западной политиче-

ской науки. Вместе с тем показательно, что до настоящего времени ученым приходится специально обосновывать использование самого наименования «политическая лингвистика». Так, П. Б. Паршин пишет: «В названии настоящей статьи присутствует выражение «политическая лингвистика», которое может вызвать вполне обоснованную оторопь. Оно, однако, имеет некоторую историю употребления (международная конференция, в названии которой присутствовало это выражение, прошла в Антверпене еще в декабре 1995 г.), да и к тому же проще и понятнее, чем «теория политического дискурса» и тому подобные обозначения соответствующей сферы исследований. Еще одним аргументом в пользу этого названия является то, что оно устроено ровно так же, как уже привычное «политическая психология»: определение в составе обоих названий относится не к самой дисциплине, а к ее объекту»¹. Высказанные опасения представляются напрасными: исследования в области политической лингвистики становятся все более глубокими и разнообразными, а название этого раздела науки не вызывает не только оторопи, но и удивления.

Специфика современной российской политической речи в последние годы активно обсуждается языковедами (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, Н. А. Безменова, А. Д. Васильев, И. Т. Вепрева, С. И. Виноградов, О. И. Воробьева, О. П. Ермакова, Е. А. Земская, О. С. Иссерс, Е. Г. Казакевич, В. И. Карасик, Ю. Н. Караулов, И. М. Кобозева, В. Г. Костомаров, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, Ю. Б. Феденева, А. П. Чудинов, В. Н. Шапошников, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.). Повышенное внимание современных специалистов к исследованию политической речи связано еще и с тем, что в советский период едва ли не всякое опубликованное в нашей стране исследование по

проблемам политической речи было априорно скомпрометировано. Как известно, в условиях жесткой цензуры и самоцензуры было крайне сложно объективно охарактеризовать особенности речи как коммунистических лидеров (идейная чистота и высокая должность как бы предопределяли их речевое мастерство), так и их политических противников; допускались лишь своего рода «советы» пропагандистам, стремящимся увеличить воздействие своей пропаганды, а также рекомендации журналистам по проблемам «языка и стиля» в средствах массовой коммуникации и критический анализ языка «буржуазной» прессы. Положение изменилось только с началом перестройки, когда гласность сделала возможной публикацию хотя бы сколь угодно объективных исследований.

В современной российской политической лингвистике сформировалось несколько относительно автономных, хотя и взаимосвязанных направлений. Возможна классификация современных отечественных политико-лингвистических исследований по используемым методам исследования, по изучаемому периоду, по рассматриваемому языковому ярусу и некоторым другим основаниям. Рассмотрим основные противопоставления, выявляющиеся при анализе конкретных публикаций.

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики – анализ конкретных единиц в рамках политических текстов. К первой группе относятся публикации, авторы которых стремятся осмыслить общие категории политической лингвистики, сформулировать теоретические основы этой науки, охарактеризовать ее понятийный аппарат и терминологию (В. Н. Базылев, А. Н. Баранов, О. И. Воробьева, Ю. Н. Караулов, Л. П. Крысин, Н. А. Купина, А. К. Михальская, П. Б. Паршин, Г. Г. Почепцов, Л. И. Скворцов, Ю. А. Сорокин, А. П. Чудинов, Е. И. Шейгал и др.).

¹ ПАРШИН, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики *In Scripta linguisticae applicatae. Проблемы прикладной лингвистики*. Москва, 2001, с. 181.

Так, в учебнике А. Н. Баранова² политическая лингвистика представлена как одно из направлений прикладной лингвистики, охарактеризованы предмет, задачи и методы указанного научного направления. В монографии Е. И. Шейгал дано определение основных понятий политической лингвистики, представлена общая характеристика политического языка и политического дискурса, рассмотрены вопросы категоризации мира политики в знаках политического дискурса и интенциональные характеристики политического дискурса, проанализирован ряд политических жанров³.

Оригинальная концепция представлена в книге О. И. Воробьевой⁴. Рассматривая теоретические основы политической лингвистики, автор прямо соотносит функции политической лексики с функциональным стилем и детально рассматривает номинативную функцию указанной лексики (в рамках официально-делового стиля), ее аксиологическую и прагматическую функции (в рамках публицистики) и эстетическую функцию (в рамках художественных текстов). В других разделах представлено подробное описание семантической структуры и текстовых смыслов ключевых слов политического языка (*политика и политический; партия и партийный; буржуазия и буржуазный; социализм и социалистический; советы и советский*). Подобное совмещение в рамках одной публикации теоретического осмысления проблемы и конкретного описания отдельных

явлений характерно и для многих других исследований.

2. Исследование советского политического языка – изучение языка постсоветской эпохи. При «хронологической» (ориентированной на исследуемый исторический период развития русского политического языка) классификации противопоставляются публикации, посвященные, с одной стороны, «тоталитарному языку» советского периода, а с другой – политической речи постсоветской эпохи (начиная с «перестройки»). Ярким примером исследований первого типа может служить монография Н. А. Купиной⁵, в которой детально рассматривается словарь советских идеологов, относящихся к политической, философской, религиозной, этической и художественной сферам, а также языковое сопротивление и языковое противостояние коммунистической идеологии внутри России. В монографии А. П. Романенко⁶ представлено детальное описание советского риторического идеала, образа «идеального» советского ратора. На основе учения Ю. В. Рождественского об этосе, пафосе и логосе А. П. Романенко рассматривает условия речевой деятельности советского ратора (этос), направленность содержания его выступлений в зависимости от вида речи (пафос) и средства языкового выражения применительно к условиям и направленности содержания (логос). Проблемы «русско-советского языка», и языкового сопротивления рассматривают также Ю. А. Бельчиков⁷, А. А. Ворожбитова⁸, С. Ю. Данилов⁹, В. И. Жельвис¹⁰, С. Кордон-

² БАРАНОВ, А. Н. *Введение в прикладную лингвистику*. Москва, 2001.

³ ШЕЙГАЛ, Е. И. *Семиотика политического дискурса*. Москва; Волгоград, 2000, с.46.

⁴ ВОРОБЬЕВА, О. И. *Политическая лексика. Ее функции в современной устной и письменной речи*. Архангельск, 2000.

⁵ КУПИНА, Н. А. *Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции*. Екатеринбург; Пермь, 1995.

⁶ РОМАНЕНКО, А. П. *Советская словесная культура: образ ратора*. Саратов, 2000.

⁷ БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А. Из наблюдений над русским литературным языком эпохи Великой Отечественной войны. In *Филологические науки*, 2000, № 6.

⁸ ВОРОЖБИТОВА, А. А. На «входе» и «выходе» русского советского дискурса (лингвориторический аспект). In *Русистика: лингвистическая парадигма конца XX века*. Санкт-Петербург, 1999.

⁹ ДАНИЛОВ, С. Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре. In *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, 1999.

¹⁰ ЖЕЛЬВИС, В. И. Инвектива в политической речи. In *Русский язык в контексте культуры*. Екатеринбург, 1999. ЖЕЛЬВИС, В. И. *Поле брани. Сквернословие как социальная проблема*. Москва, 1997.

ский¹¹, Э. Лассан¹², Ю. И. Левин¹³, Б. Ю. Норман¹⁴, Г. Г. Почепцов¹⁵, Р. И. Розина¹⁶, А. П. Чудинов¹⁷ и целый ряд других авторов.

Эти исследования показывают, что в политическом языке советской эпохи действительно существовала «диглоссия (по А. Вежбицкой¹⁸), точнее – использовалось несколько «диалектов» (официальный, диссидентский, обывательский, «потаенный»). Как верно отмечает Максим Кронгауз, несправедливо считать, что «русский язык в советскую эпоху был неуклюж, бюрократичен и малопонятен. Таким была только одна из его форм, а именно новояз, но другим новояз быть и не мог. Его устройство определялось его предназначением»¹⁹. Следует подчеркнуть, что советский «новояз» – это не язык всего советского народа, а официальный язык тоталитарного общества. Бюрократичность, «двоемыслие» (по Дж. Оруэллу), максимальная обезличенность, эзотеричность (наличие смыслов, понятных только специалистам), ритуальность – это естественные свойства официальной политической коммуникации. Эти признаки в той или иной мере присутствуют и во многих современных политических текстах официального (и не только официального) характера. Разумеется, бюрократическим и неуклюжим был не русский язык, а коммуникативная деятельность большинства советских лидеров, речевая практика которых если не считалась образцовой, то по

меньшей мере воспринималась как наиболее соответствующая духу эпохи.

Если же сравнивать русско-советский язык и русский политический язык новейшего времени, то следует отметить, что в прошлом осталась жесткая регламентация, которая определяла строгое следование всевозможным нормам (языковым, речевым, жанровым, этическим, композиционным и иным) и ограничивала проявления индивидуальности. Эта регламентация в каких-то случаях играла положительную роль (например, не допускала использования грубо-просторечной и жаргонной лексики, ограничивала поток заимствований), но именно она и определяла те качества «советского» языка, которые в одних случаях вызывают его критику, а в других – некоторую ностальгию.

3. Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка. В современной российской политической лингвистике отчетливо разграничиваются дескриптивный (описательный) и нормативный подходы к оценке инноваций. В первом случае авторы фиксируют новые явления, не стремясь при этом дать им позитивную или негативную оценку. Во втором случае новые явления «подвергаются досмотру» с позиций традиционной речевой нормы; высказывается даже мысль о необходимости создания лингвозологии – особой науки, призванной «защищать» классический русский язык²⁰.

¹¹ КОРДОНСКИЙ, С. Фундаментальный лексикон: язык и политический спектр в России. In *Век XX и мир*, 1994, № 1–2.

¹² ЛАССАН, Э. *Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ*. Вильнюс, 1995.

¹³ ЛЕВИН, Ю. И. Семантика советских лозунгов. In ЛЕВИН, Ю. И. *Поэтика. Семантика. Избр. труды*. Москва, 1998.

¹⁴ НОРМАН, Б. Ю. Лексические фантомы с точки зрения лингвистики и культурологии. In *Язык и культура. Третья международная конф.* Киев, 1994.

¹⁵ ПОЧЕПЦОВ, Г. Г. *Тоталитарный человек*. Киев, 1994.

¹⁶ РОЗИНА, Р. И. Корифей пропаганды, или риторика Сталина. In *Наука убеждать – риторика*. 1991, № 8.

¹⁷ ЧУДИНОВ, А. П. Заметки о риторическом мастерстве И. В. Сталина. In *Художественный текст: структура, семантика, прагматика*. Екатеринбург, 1997.

¹⁸ ВЕЖБИЦКА, А. Анти тоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны. In *Вопросы языкознания*, 1993, № 4.

¹⁹ КРОНГАУЗ, М. Критика языка. In *Логос*, 1999, № 3 (13), с. 139.

²⁰ СКОВОРОДНИКОВ, А. П. Лингвистическая экология: проблема становления. In *Филологические науки*, 1996, № 2.

Авторы подобных работ тщательно фиксируют всевозможные реальные и мнимые недостатки в речи политиков и журналистов, справедливо демонстрируя при этом, что российская политическая элита по своему риторическому мастерству еще очень далека от Демосфена и Цицерона, что прямой телеэфир слишком безжалостен и что напрасно в некоторых газетах сократили должности литературного редактора и корректора. Нередко в подобных работах критика современной речи и сетования на общую «порчу» русского языка совмещаются с критикой современной политической ситуации и современных политических лидеров.

Как известно, речевое творчество современных политиков и журналистов – едва ли не основной источник беспокойства лингвистических пуристов, ибо многочисленные нарушения традиционных литературных норм вызывают тревогу и у общества в целом. Подборки «перлов» политического слога стали в последние годы едва ли не постоянной рубрикой многих авторитетных средств массовой информации («Литературная газета», «Аргументы и факты», «Итого», «Комсомольская правда» и др.), речевые ошибки политиков и журналистов нередко становятся и предметом тщательного разбора профессиональных филологов.

Среди лучших публикаций рассматриваемого типа можно назвать книгу М. В. Горбаневского, Ю. Н. Караулова и В. М. Шахлеина «Не говори шершавым языком», в которой проанализированы наиболее типич-

ные нарушения норм русской литературной речи в электронных и печатных средствах массовой информации. Как справедливо отмечает редактор указанного издания Ю. А. Бельчиков, задача таких публикаций – это вовсе не фиксация ошибок конкретного автора: «Принципиально важно, проводя систематические наблюдения над языковой жизнью современного общества, стремиться выявить тенденции в использовании языковых средств, в их функционировании в повседневной речевой коммуникации, в различных ее сферах, «участках» – социокультурных, функционально-стилистических, жанрово-тематических»²¹. Конкретные примеры коммуникативных неудач и их теоретическое осмысление, рекомендации по предупреждению ошибок широко представлены и в ряде других публикаций (Е. Л. Агеенко²², А. Н. Баранов и Е. Г. Казакевич²³, С. И. Виноградов²⁴ и др.). Вместе с тем заслуживает несомненного внимания позиция специалистов, которые подчеркивают, что современный русский язык находится в состоянии динамичного развития, а многочисленные ошибки конкретных политиков и журналистов могут служить свидетельством низкой речевой культуры лишь отдельных носителей русского языка²⁵. Теоретическое осмысление проблем современного состояния и динамики развития русского языка представлено в публикациях Г. А. Золотовой²⁶, В. Г. Костомарова²⁷, М. Кронгауза²⁸, Л. П. Крысина²⁹ и др.

Кардинальные социальные изменения всегда вызывают крупные преобразования в

²¹ БЕЛЬЧИКОВ, Ю. А. От редактора. In ГОРБАНЕВСКИЙ, М. В.; КАРАУЛОВ, Ю. Н.; ШАХЛЕИН В. М. *Не говори шершавым языком*. Москва, 1999, с. 3.

²² АГЕЕНКО, Е. Л. Русская речь у микрофона. In *Русская речь*, 1996, № 1.

²³ БАРАНОВ, А. Н.; КАЗАКЕВИЧ, Е. Г. *Парламентские дебаты: традиции и новаторство*. Москва, 1991.

²⁴ ВИНОГРАДОВ, С. И. Слово в парламентской речи и культура общения. In *Русская речь*, 1993, № 2–4.

²⁵ ЗЕМСКАЯ, Е. А. Введение. In *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Москва, 1996.

²⁶ ЗОЛотова, Г. А. У языка, как у людей, – свои проблемы. In *Русская речь*, 2001, № 4.

²⁷ КОСТОМАРОВ, В. Г. *Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа*. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург, 1999.

²⁸ КРОНГАУЗ, сноска 19.

²⁹ КРЫСИН, Л. П. Эвфемизмы в современной русской речи In *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Москва, 1996.

языке (вспомним утрату российской государственности в XIII веке, «Смутное время») на рубеже XVI и XVII столетий, Петровские реформы или гражданскую войну в начале прошлого века), но никакие политические катаклизмы не способны погубить или хотя бы «испортить» русский язык. Его развитие продолжается, в нем обнаруживаются новые ресурсы, а явления, пугавшие современников, бесследно уходят или начинают восприниматься как вполне естественные и необходимые. Поэтому нужно быть крайне осторожным при оценке новых феноменов и не путать косноязычие отдельных политиков с деградацией русского языка.

4. Автономное исследование отдельных аспектов политического языка. Значительный интерес представляют исследования, ориентированные на автономное изучение отдельных уровней современного политического языка (фонетики, лексики и фразеологии, синтаксиса). Наиболее заметны изменения в лексике и фразеологии. Каждый новый поворот в историческом развитии государства приводит к языковой «перестройке», создает свой лексико-фразеологический тезаурус, включающий также концептуальные метафоры и символы. Поэтому вполне закономерно множество исследований по проблемам политического лексикона постсоветского периода. Очень интересны лексикографические издания, фиксирующие

новые явления в русской лексико-фразеологической системе постсоветской эпохи: подготовленный под руководством В. И. Максимова «Словарь перестройки»³⁰, «Словарь новых значений и слов языка газеты»³¹, «Словарь перифраз русского языка (на материале газетной публицистики)»³², «Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда)»³³ и др. Лексико-фразеологические инновации в политической речи последних лет разноаспектно проанализированы в публикациях А. Д. Васильева³⁴, О. И. Воробьевой³⁵, О. П. Ермаковой³⁶, Е. А. Земской³⁷, Н. В. Черниковой³⁸ и ряда других лингвистов.

Не менее ощутимы изменения стилистической системы русского национального языка и процессы его пополнения заимствованной лексикой. По справедливому замечанию Л. П. Крысина, для русского литературного языка конца XX века особенно характерны два явления: интенсификация процессов заимствования иностранных слов и «сильнейшее влияние жаргонной и просторечной языковой среды»³⁹. О. И. Воробьева выделяет «стилистическое снижение» в качестве основной тенденции современной политической речи⁴⁰, активное использование в современной политической речи просторечных и жаргонных слов отмечают и многие другие исследователи.

³⁰ МАКСИМОВ, В. И. *Словарь перестройки*. Москва, 1992.

³¹ МОЛОКОВ, С. В.; КИСЕЛЕВ, В. Н. *Словарь новых значений и слов языка газеты*. Москва, 1996.

³² НОВИКОВ, А. Б. *Словарь перифраз русского языка (на материале языка газеты)*. Москва, 1999.

³³ САМОТИК, Л. Г. *Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда)*. Красноярск, 2002.

³⁴ ВАСИЛЬЕВ, А. Д. *Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении*. Красноярск, 2000.

³⁵ ВОРОБЬЕВА, О. И. *Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации*. Архангельск, 1999.

³⁶ ЕРМАКОВА, О. П. Семантические процессы в лексике In *Русский язык конца XX столетия (1985 – 1995)*. Москва, 1996.

³⁷ ЗЕМСКАЯ Е. А. Клише новояза и цитация в языке постсоветского времени. In *Вопросы языкознания*, 1996, № 3.

³⁸ ЧЕРНИКОВА Н. В. Метафора и метонимия в аспекте современной неологии In *Филологические науки*, 2001, № 1.

³⁹ КРЫСИН, Л. П. Русский литературный язык на рубеже веков. In *Русская речь*. 2000, № 1, с. 30.

⁴⁰ ВОРОБЬЕВА, сноски 35.

В монографии В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении»⁴¹ сделана попытка охарактеризовать не только лексико-фразеологические и стилистические изменения, но и новые процессы в фонетике, словообразовании, морфологии и синтаксисе, связанные преимущественно с изменением «языковой моды» и ориентацией значительной части говорящих на новую политическую и экономическую элиту как своего рода «речевой идеал». Кардинальных изменений в фонетике и грамматике не произошло, но русский язык продолжает свое развитие.

5. Исследование жанров и стилей политического языка. Значительное количество публикаций посвящено изучению специфики отдельных жанров и стилей политического языка. Так, А. Н. Баранов и Е. Г. Ка-

закевич⁴², С. И. Виноградов⁴³, О. Л. Дмитриева⁴⁴ рассматривают специфику парламентских дебатов. М. В. Китайгородская и Н. Н. Розанова пишут о «коммуникативном пространстве митинга»⁴⁵, А. А. Романов и Л. А. Романова анализируют жанр политической сплетни⁴⁶. А. Плуцер-Сарно находит в выступлениях депутатов Государственной Думы признаки традиционных жанров пародии, плача, исповеди и пасквиля⁴⁷.

Особое внимание современных лингвистов привлекает язык средств массовой информации (М. Н. Володина⁴⁸, В. А. Евстафьев⁴⁹, Е. В. Какорина⁵⁰, И. М. Кобозева⁵¹, А. К. Михальская⁵², И. В. Рогозина⁵³, И. Б. Руберт⁵⁴ и др.). Специфике телевизионной политической речи посвящены публикации А. Д. Васильева⁵⁵, М. А. Канчер⁵⁶, Н. Г. Мартыненко⁵⁷ и ряда других языковедов.

⁴¹ШАПОШНИКОВ, В. Н. *Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении*. Москва, 1998.

⁴²БАРАНОВ; КАЗАКЕВИЧ, сноска 23.

⁴³ВИНОГРАДОВ, С. И. Слово в парламентской речи и культура общения. In *Русская речь*, 1993, № 2–4.

⁴⁴ДМИТРИЕВА, О. Л. Ярлык в парламентской речи. In *Культура парламентской речи*. Москва, 1994.

⁴⁵КИТАЙГОРОДСКАЯ, М. В.; РОЗАНОВА, Н. Н. «Свое» – «чужое» в коммуникативном пространстве митинга. In *Русистика сегодня*. 1995, № 1.

⁴⁶РОМАНОВ, А. А.; РОМАНОВА, Л. А. Технология резонансной информации в политической коммуникации. In *Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара*. Москва, 2002.

⁴⁷ПЛУЦЕР-САРНО, А. Государственная Дума как фольклорный персонаж: Пародия, плач, исповедь и пасквиль – жанры русской политики. In *Логос*, 1999, № 9.

⁴⁸ВОЛОДИНА, М. Н. Язык массовой коммуникации – основное средство информационного воздействия на общественное сознание. In *Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Москва, 2001.

⁴⁹ЕВСТАФЬЕВ, В. А. *СМИ в системе массовых коммуникаций в России. Автореф. дис... докт. филол. наук*. Москва, 2001.

⁵⁰КАКОРИНА, Е. В. Новизна и стандарт в языке современной газеты. In *Поэтика. Стилистика. Язык и культура*. Москва, 1996.

⁵¹КОБОЗЕВА, И. М. Прагматический подход к идентификации метафоры в политическом дискурсе СМИ. In *Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Москва, 2001.

⁵²МИХАЛЬСКАЯ, А. К. Язык российских СМИ как манипулирующая система. In *Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Москва, 2001.

⁵³РОГОЗИНА, И. В. Медиа-картина мира. In *Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический аспект*. Барнаул, 2001.

⁵⁴РУБЕРТ, И. Б. Мифологема в языке СМИ. In *Язык массовой информации как объект междисциплинарного исследования*. Москва, 2001.

⁵⁵ВАСИЛЬЕВ, сноска 34.

⁵⁶КАНЧЕР, М. А. *Языковая личность телеведущего в рамках русского риторического этоса (на материале игровых программ)*. Автореф. дис... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

⁵⁷МАРТЫНЕНКО, Н. Г. Субъективизация новостийного дискурса аналитических программ ТВ. In *Проблемы речевой коммуникации*. Саратов, 2000.

Специальные исследования посвящены анализу настенных надписей⁵⁸, лозунгов⁵⁹, жанра проработки⁶⁰, предвыборной полемики⁶¹, политической скандала⁶². В исследовании Н. А. Купиной выделены пять используемых в современных избирательных кампаниях блоков жанров влияния на адресата: жанры протеста, поддержки, рационально-аналитические и аналитико-статистические жанры, юмористические жанры и виртуально ориентированные низкие жанры⁶³. В целом специалисты отмечают постоянное расширение и обновление жанрового и стилистического арсенала в современной российской политической речи.

6. Исследование идиостилей различных политических лидеров, политических направлений и партий. Значительный интерес представляют публикации, посвященные идиолектам наиболее известных политических лидеров современной России. Так, Ю. А. Сорокин⁶⁴ ставит перед собой задачу реконструировать психо-

портрет Григория Явлинского, в статье В. Н. Базылева⁶⁵ по специальной методике исследуются речевые автопортреты Бориса Немцова, Александра Коржакова, Егора Гайдара, Валерии Новодворской и Александра Лебеда. В работах Т. С. Вершининой проанализированы особенности использования метафоры в текстах девяти современных российских политических лидеров⁶⁶. А. Г. Алтунян предлагает речевые портреты лидеров наиболее крупных партий (В. В. Жириновского, Б. Е. Немцова, Г. А. Зюганова и др.) в сопоставлении с политическими портретами российских политических лидеров прежних эпох⁶⁷. А. К. Михальская анализирует речевые особенности современных политических лидеров на основе детального анализа их интервью⁶⁸. Языковеды стремятся также охарактеризовать роль идиостиля в формировании харизматического восприятия политика, обращаются к особенностям речи конкретных политических лидеров⁶⁹.

⁵⁸ ГУДКОВ, Д. Б. Настенные надписи в политическом дискурсе. In *Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания*. Москва, 1999.

⁵⁹ БАРАНОВ, А. Н. Языковые игры времен перестройки (Феномен политического лозунга). In *Русистика*, 1993, № 2; ЕНИНА, Л. В. Идеологическое содержание современных лозунгов протеста. In *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2000.

⁶⁰ ДАНИЛОВ, С. Ю. Жанр проработки в тоталитарной культуре. In *Стереотипность и творчество в тексте*. Пермь, 1999.

⁶¹ РЯПОСОВА, А. Б. Агрессивный прагматический потенциал криминальных метафор, функционирующих в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов (1998–2000 гг.). In *Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2001, т. 7.

⁶² ШЕЙГАЛ, Е. И. Политический скандал как нарратив. In *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты*. Волгоград, 1998.

⁶³ КУПИНА, Н. А. Агитационный дискурс: в поисках жанров влияния. In *Культурно-речевая ситуация в современной России*. Екатеринбург, 2000, с. 223.

⁶⁴ СОРОКИН, Ю. А. Человек из будущего, которого у него нет: Григорий Явлинский. In *Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания*. Москва, 1999.

⁶⁵ БАЗЫЛЕВ, В. Н. Автопортреты политиков: от психопэтики к психополитике. In *Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания*. Москва, 1999.

⁶⁶ ВЕРШИННИНА, Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная метафора в современном политическом дискурсе. Автореф... дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2002.

⁶⁷ АЛТУНЯН, А. Г. *От Булгарина до Жириновского. Идеино-стилистический анализ политических текстов*. Москва, 1999.

⁶⁸ МИХАЛЬСКАЯ, А. К. О речевом поведении политиков. In *Независимая газета*, 2.12.1999.

⁶⁹ БУЛГАКОВА, Л. Н.; ЗАХАРЕНКО, И. В.; КРАСНЫХ, В. В. Харизма без власти и власть без харизмы (к вопросу о современном российском политическом дискурсе). In *Политический дискурс в России – 3. Материалы рабочего совещания*. Москва, 1999. ДОРОЖКИНА, Т. Н. Речевой имидж политического лидера. In *Социс (Социологические исследования)*, 1997, № 8. БЕЛКИНА, О. Е.

В отдельную группу следует выделить исследования, посвященные взаимосвязи политической позиции и речевых средств ее выражения. Так, Е. Родионова описывает националистический дискурс газеты «Завтра»⁷⁰, Е. В. Какорина рассматривает стилистический облик оппозиционной прессы⁷¹, политический дискурс оппозиции анализирует и А. Дука⁷². Т. С. Вершинина в результате сопоставительного рассмотрения идеостилей девяти ведущих политических деятелей современной России делает вывод о том, что «политические экстремисты (независимо от их принадлежности к правому или левому флангу политического спектра), как правило, более склонны использовать метафорические образы»⁷³. А. Б. Ряпосова отмечает повышенную агрессивность речи ряда современных политиков, придерживающихся националистических и коммунистических взглядов⁷⁴. Едва ли не все авторы отмечают, что в постсоветский период речевые портреты политиков становятся более узнаваемыми, ярче проявляется индивидуальность, но

не все черты такого рода индивидуальности заслуживают одобрения.

7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик. Интересный анализ современного речевого ритуала и коммуникативных ролей как реализации социального статуса представлен в работах волгоградских ученых (Е. В. Бакумова⁷⁵, В. И. Карасик⁷⁶, Е. И. Шейгал⁷⁷). Наиболее полное описание типичных для политической коммуникации стратегий и тактик представлено в исследованиях О. С. Иссерс⁷⁸. А. А. Филинский рассматривает стратегию манипуляции в современном политическом дискурсе, подробно характеризует такие ее приемы, как делигитимизация, диффамация, солидаризация⁷⁹, в диссертации В. М. Амирова охарактеризованы стратегии утешения, самовосхваления и лестия⁸⁰, в работе П. О. Мироновой исследована стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе⁸¹. Ритуалы в современном политическом дискурсе рассматривают А. Н. Баранов⁸² и Д. Б. Гудков⁸³.

«Загадочный Путин», или... . In *Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара*. Москва, 2002. ШАРИФУЛИН, Б. Я.; ИВАНОВА, З. М. Языковая личность современного российского политика: Александр Лебедь. In САМОТИК, Л. Г. *Словарь выразительных средств языка политика (на материале текстов губернатора Красноярского края А. И. Лебеда)*. Красноярск, 2002.

⁷⁰ РОДИОНОВА, Е. Националистический дискурс газеты «Завтра». In *Логос*, 2000, № 1.

⁷¹ КАКОРИНА, сноска 50.

⁷² ДУКА, А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России. In *Журнал социологии и социальной антропологии*, 1998, т.1.

⁷³ ВЕРШИНИНА, сноска 66.

⁷⁴ РЯПОСОВА, сноска 61.

⁷⁵ БАКУМОВА, Е. В. *Ролевая структура политического дискурса. Автореф. дис... канд. филол. наук*. Волгоград, 2002.

⁷⁶ КАРАСИК, В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс*. Волгоград, 2002.

⁷⁷ ШЕЙГАЛ, сноска 3.

⁷⁸ ИССЕРС, О. С. *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*. Екатеринбург; Омск, 1999.

⁷⁹ ФИЛИНСКИЙ, А. А. *Критический анализ политического дискурса предвыборных кампаний 1999–2000 гг. Автореф. дис... канд. филол. наук*. Тверь, 2002.

⁸⁰ АМИРОВ, В. М. *Агитационный предвыборный сверхтекст: организация содержания и стратегии реализации. Автореф. дис... канд. филол. наук*. Екатеринбург, 2002.

⁸¹ МИРОНОВА, П. О. *Стратегия редукционизма в современном политическом дискурсе: когнитивно-прагматический аспект. Автореф. дис... канд. филол. наук*. Екатеринбург, 2003.

⁸² БАРАНОВ, А. Н. Политический дискурс: прощание с ритуалом. In *Человек*, 1997, № 6.

⁸³ ГУДКОВ, Д. Б. Ритуалы и прецеденты в политическом дискурсе. In *Политический дискурс в России – 2. Материалы рабочего совещания*. Москва, 1998.

Важное место в исследованиях политической коммуникации занимает критический анализ (по Т. А. ван Дейку⁸⁴ и Р. Водак⁸⁵) проявлений социального неравенства и коммуникативных манипуляций сознанием адресата. Многие ученые (М. Р. Желтухина, В. И. Жельвис, О. С. Иссерс, Н. А. Купина, Л. М. Майданова, А. А. Романов, Н. Б. Руженцева, А. Б. Ряпосова, В. И. Шаховский, Е. И. Шейгал и др.) отмечают повышенную агрессивность современной политической речи, в том числе активное использование конфронтационных стратегий и тактик речевого поведения (угрозы, игнорирование, дискредитация, брань, ложь, наклеивание ярлыков, оскорбления и др.). Специфика проявления речевой агрессии в различных политических жанрах детально охарактеризована в указанных выше публикациях А. Н. Баранова, Д. Б. Гудкова, Л. В. Ениной и А. Б. Ряпосовой.

Рассмотренные публикации свидетельствуют, что современный политический дискурс отличается значительным арсеналом коммуникативных ролей, стратегий и тактик. Показательно, что речевая агрессивность в ее разнообразных проявлениях особенно возрастает в периоды обострения социальной ситуации и во время избирательных кампаний.

8. Методы исследования политического языка. Весьма разнообразна методология лингвистического анализа современного политического языка: с этой точки зрения выделяются исследования, выполненные с использованием методик, характерных для когнитивистики, лингвокультурологии, лингвистики текста, психолингвистики, социолингвистики, риторики и культуры речи.

При социолингвистическом подходе к изучению политических текстов выясняется, что политический дискурс российского об-

щества в последнее десятилетие XX века характеризуется кардинальным обновлением содержания и формы коммуникативной деятельности (П. Б. Паршин, М. Н. Эпштейн и др.). Новый политический дискурс отличается стремлением к индивидуальному («фирменному») стилю, экспрессивностью, а также яркостью, граничащей с карнавальностью; раскрепощенностью, граничащей с вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют и характерные для социального сознания концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество. Как это часто бывает в революционные эпохи, общественное сознание чрезвычайно быстро наполняется необъяснимым доверием не только к некоторым политическим лидерам и партиям, но даже к некоторым политическим терминам и метафорам, но столь же стремительно и утрачивает иллюзии.

Значительный интерес представляют публикации В. Н. Базылева и Ю. А. Сорокина, подготовленные с использованием методик политической психолингвистики, во многом заимствованных из психопозитики⁸⁶.

Многие современные исследования ориентированы на использование методов когнитивной лингвистики, в том числе теории метафорического моделирования. Важное место в этом отношении занимают публикации А. Н. Баранова и Ю. Н. Караулова и особенно рассмотрение проблем выделения и представления метафорических моделей во вводных разделах словарей «Русская политическая метафора»⁸⁷ и «Словарь русских политических метафор»⁸⁸, где дано оп-

⁸⁴ ДЕЙК, Т. А. ван. *Язык. Познание. Коммуникация*. Москва, 1989.

⁸⁵ ВОДАК, Р. *Язык. Дискурс. Политика*. Волгоград, 1997

⁸⁶ БАЗЫЛЕВ, сноска 65; СОРОКИН, сноска 64.

⁸⁷ БАРАНОВ, А. Н.; КАРАУЛОВ, Ю. Н. *Русская политическая метафора. Материалы к словарю*. Москва, 1991.

⁸⁸ БАРАНОВ, А. Н.; КАРАУЛОВ, Ю. Н. *Словарь русских политических метафор*. Москва, 1994.

ределение метафорической модели, выделены ее структурные части, охарактеризованы языковые способы оживления метафоры, ее функции в политических текстах и др. Сами указанные словари являются блестящим образцом конкретного описания метафорических моделей. Когнитивная характеристика ведущих моделей метафорического описания современной политической реальности представлена в монографии А. П. Чудинова⁸⁹. Ю. Б. Феденева исследует воздействие политических событий в России первой половины 90-х годов XX века (референдум, путч, выборы) на особенности реализации метафорических моделей⁹⁰. Новая политическая реальность (а возможно, и своего рода «мода») рождает новые фреймы и слоты известных моделей, определяет повышение или понижение частотности метафорических словоупотреблений, соответствующих той или иной модели.

Во многих публикациях используется методика лингвостилистического анализа. Так, Н. А. Кузьмина детально описывает метафорическую модель «жизнь – это театр», которая традиционно широко представлена в художественных текстах и активно используется в современных публицистических текстах⁹¹. Анализ подобных метафор показывает, что они, как правило, подчеркивают типовые смыслы «фальшь», «двуличие», «независимость» многих политических деятелей. Эта модель практически всегда несет негативную оценку. В работе О. П. Ермаковой охарактеризовано использование в современных СМИ тематических групп метафор «Война», «Дом», «Дорога», «Болезнь», «Животные»⁹². На широкую распространенность метафорических номинаций в пуб-

лицистике постсоветского периода указывает и целый ряд других авторов. Метафора рассматривается как одно средств непрямо́й коммуникации, оценочности и намеренной смысловой неопределенности политических высказываний.

Особое место занимают исследования, в основе которых лежат методы, приемы и терминология традиционной и обновляющейся риторики. К этому направлению относится учебное пособие А. К. Михальской⁹³, публикации В. И. Аннушкина, А. А. Ворожитовой и др.

Целый ряд исследований выполнен с использованием методик сравнительно-исторического языкознания и посвящен истокам современных политических метафор. Так, в монографии Л. В. Балашовой на широком историческом фоне рассмотрен ряд моделей социальной метафоры. Автор отмечает активность моделирования социальных отношений по аналогии с родственными связями и по аналогии с противопоставлением «своего» и «чужого», моделирование иерархических отношений по аналогии с ролями «старшего и младшего» члена семьи, а также развитие модели имущественных отношений (например, приобретение или утрата покоя). Автор делает важный вывод о том, что «характерная особенность именно социальной макромоделей – тенденция к постоянной оценочной характеристике именованных явлений»⁹⁴.

Многообразие используемых методов и методик обогащает политическую лингвистику: каждый метод имеет свои достоинства и позволяет обнаружить некоторые факты и закономерности, не привлекавшие внимания исследователей, принадлежащих к иным научным школам.

⁸⁹ ЧУДИНОВ, А. П. *Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000)*. Екатеринбург, 2001.

⁹⁰ ФЕДЕНЕВА, Ю. Б. *Моделирующая функция метафоры в агитационно-политических текстах 90-х гг. XX века. Автореф. дис... канд. филол. наук*. Екатеринбург, 1998.

⁹¹ КУЗЬМИНА, Н. А. *Интертекст и его роль в процессах эволюции языка*. Екатеринбург, Омск, 1999.

⁹² ЕРМАКОВА, сноска 36.

⁹³ МИХАЛЬСКАЯ, А. К. *Русский Сократ. Лекции по сравнительно-исторической риторике*. Москва, 1996.

⁹⁴ БАЛАШОВА, Л. В. *Метафора в диахронии: на материале русского языка XI – XX века*. Саратов, 1998, с. 193.

9. Сопоставительные исследования.

Совершенно особое место занимают публикации, посвященные сопоставительному анализу политической коммуникации в России и других государствах (Е. В. Бакумова, Е. Болотова и Й. Цинкен, М. Р. Желтухина, А. А. Каслова, Е. В. Колотнина, А. В. Степаненко, Т. В. Шмелева и др.). Так, в выполненной на материале русских и английских текстов диссертации Е. В. Колотниной представлена детальная характеристика метафорических моделей, используемых в экономической сфере⁹⁵. В статье Т. В. Шмелевой, подготовленной на польском и русском материале, подробно охарактеризованы политические метафоры из понятийной сферы источника «Медики, болезни и лекарства»⁹⁶. Работа С. Н. Муране посвящена милитарным метафорам в современных русских и латышских политических текстах⁹⁷. В статьях А. А. Касловой рассматриваются закономерности метафорического моделирования президентских выборов в США и России⁹⁸. М. Р. Желтухина рассматривает особенности представления комического в политическом дискурсе России и Германии⁹⁹.

Сопоставление политической коммуникации различных стран и эпох позволяет отчетливее дифференцировать «свое» и «чужое», случайное и закономерное, «общечеловеческое» и свойственное только тому или другому национальному дискурсу. Все это способствует лучшему взаимопониманию между народами и межкультурной толерант-

ности. Вместе с тем показательно, что для авторов сопоставительных исследований, как правило, нехарактерен обличительный пафос: изучение зарубежной политической коммуникации показывает, что многие свойства, казавшиеся исключительно российскими пороками, обнаруживаются и в политических дискурсах самых демократичных стран.

10. Политическая лингвистика «в маске» и «без маски».

Как показывает представленный обзор, в последние годы политическая лингвистика превратилась в самостоятельное направление лингвистических исследований. Принадлежность публикации к этому направлению часто отражается в их названиях, при формулировании цели и задач исследования, при определении предмета и объекта изучения, при характеристике материала, лежащего в основе работы. Однако в других случаях исследования по политической коммуникации представляются читателям как бы «в маске», то есть без акцентирования собственно лингвополитической сущности публикации. Можно выделить несколько вариантов такой «маскировки».

Во-первых, некоторые авторы представляют свои результаты как относящиеся к современному русскому языку в целом. Яркими примерами могут служить указанные выше монографии В. Н. Шапошникова «Русская речь 1990-х. Современная Россия в языковом отображении» и О. С. Иссерс «Коммуникативные стратегии и тактики рус-

⁹⁵ КОЛОТНИНА, Е. В. Метафорическое использование лексики понятийной сферы «Большой – здоровый». *Ин Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2000, вып. 5. КОЛОТНИНА, Е. В. Метафорическая модель «Субъекты экономической деятельности – это животные». *Ин Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2001, вып. 6.

⁹⁶ ШМЕЛЕВА Т. В. Морбуальная оптика. *Ин Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2001, вып. 7

⁹⁷ МУРАНЕ, С. Н. Лексика военной сферы в постсоветском политическом дискурсе. *Ин Говорящий и слушающий: языковая личность, текст, проблемы обучения*. Санкт-Петербург, 2001.

⁹⁸ КАСЛОВА, А. А. Концептуальная метафора в российских и американских текстах, посвященных выборам президента. *Ин Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2002, вып. 8; КАСЛОВА, А. А. Концептуальная метафора «Выборы президента – это театр» в российском и американском политическом дискурсе. *Ин Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества*. Екатеринбург, 2002, вып. 9.

⁹⁹ ЖЕЛТУХИНА, М. Р. *Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики*. Москва; Волгоград, 2000.

ской речи», основным материалом для которых послужили политические тексты. Разумеется, подобные публикации должны быть учтены при определении общих тенденций развития русской политической коммуникации.

Во-вторых, материалы по исследованию политической коммуникации часто представляются как результаты изучения языка средств массовой информации. Примером может служить уже упоминавшаяся выше монография А. Д. Васильева «Слово в телеэфире: очерки новейшего словоупотребления в российском телевидении». Как известно, политический дискурс пересекается с языком СМИ, и далеко не всегда существует необходимость (и возможность) однозначно отнести материалы публикации к тому или другому дискурсу. Многие из публикаций, названных в представленном выше обзоре, изначально ориентированы на изучение речевой организации СМИ, но материалы этих исследований очень важны и для постижения специфики современной политической коммуникации. Среди других источников сведений по политической лингвистике можно назвать исследования по культуре речи, по лексикологии и фразеологии, по теории и практике журналистики, по психологии, социологии и политологии.

Разумеется, представленный обзор не является полным: крайне сложно даже просто перечислить все современные публикации, имеющие то или иное отношение к политической лингвистике. Но данный обзор отражает тот интерес, который проявляется в современной лингвистике к русской политической речи, и то многообразие материала, методик, аспектов анализа и позиций, которое характерно для современной российской науки. В наиболее общем виде каждое конкретное современное исследование в области российской политической лингвистики можно охарактеризовать с использованием следующей системы не всегда эксплицитно выраженных противопоставлений:

1. Исследования в области теории политической лингвистики – описание отдельных элементов политического языка.

2. Хронологические рамки исследования: советская или постсоветская эпоха.
  3. Уровни анализа: фонетика, лексика, словообразование, морфология, синтаксис, текст и дискурс.
  4. Нормативный подход (анализ с позиций соответствия норме, обычно критический, с призывами к борьбе с «порчей русского языка») – дескриптивный (описательный) подход, то есть фиксация и изучение новых явлений без их оценки.
  5. Изучение отдельных политических жанров, стилей, нарративов и текстов – исследование общих признаков политического языка.
  6. Исследование идиостилей отдельных политических лидеров, политических направлений и партий – изучение общих закономерностей политического языка.
  7. Дискурсивное изучение коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик – лингвистическое изучение политического языка.
  8. Использование методов психолингвистики, когнитивистики, социолингвистики, лингвокультурологии, структурализма и др.
  9. Изучение отечественной политической речи – сопоставительные исследования, выявление общих и особенных признаков политических дискурсов различных стран и эпох.
  10. Собственно политическая лингвистика – материалы по политической лингвистике, содержащиеся в исследованиях, ориентированных на смежные области науки.
- Важно подчеркнуть, что во многих публикациях используются разнообразные методы и приемы изучения политической коммуникации, совмещаются нормативный и описательный аспекты исследования, последовательно изучаются различные языковые уровни и текстовые характеристики, привлекаются материалы, относящиеся к разным этапам развития русского политического языка.

Anatoly Chudinov

Ural State Pedagogical University

THE MAIN TENDENCIES OF
CONTEMPORARY POLITICAL
LINGUISTICS IN RUSSIA**Summary**

The present research investigates the main tendencies of Political Linguistics in modern Russian based on the following oppositions:

- research in the theory of Political Linguistics – description of separate elements of language of politics;
- chronological framework of investigation: soviet or post soviet epoch;
- different levels of analyses: vocabulary, phonological system, word-building, morphology, syntax, text and discourse;
- normative approach – descriptive approach which implies pure record and study of new phenomena without their estimation;
- research of different political genres, narratives and texts or study of some features common to the language of politics;
- investigation of the idiostyle of some political leaders, political trends and parties or study of some regularities of the language of politics;
- discourse analysis of communicative roles, rituals, strategies and tactics, i.e. the language of politics under investigation;
- use of the methods of psycholinguistics, cognitive science, sociolinguistics, cultural linguistics, structuralism and others;
- study of Russian political speech – comparative research of political discourse of different countries and epochs;
- special investigations in the sphere of Political Linguistics – material of Political Linguistics taken from works of other scientific fields.

KEY WORDS: linguistics, politics, Russian, language, speech, text, genre, style, discourse.

Anatolijus Čudinovas

Uralo valstybinis pedagoginis universitetas

SVARBIAUSIOS RUSIJOS ŠIUOLAIKINĖS
POLITINĖS LINGVISTIKOS KRYPTYS**Santrauka**

Šiame straipsnyje apžvelgiamos svarbiausios Rusijos šiuolaikinės politinės lingvistikos kryptys. Remiamasi tokiomis priešpriešomis.

- politinės lingvistikos teoriniai tyrinėjimai, pavienių politinės kalbos elementų aprašymas;
  - chronologiniai tyrimo rėmai – tarybinė ir post-tarybinė epocha;
  - analizės lygmenys – fonetika, leksika, žodžių daryba, morfologija, sintaksė, tekstas ir diskursas;
  - metodas – deskryptyvinis (aprašomasis), t. y. naujų reiškinių fiksavimas ir tyrimas jų nevertinant;
  - kai kurių politinių žanrų, narativų ir tekstų tyrimas, taip pat bendrųjų politinės kalbos požymių analizė;
  - politinių lyderių, politinių krypčių ir partijų idiostilių arba bendrųjų politinės kalbos dėsningumų tyrimas;
  - komunikacinių vaidmenų, ritualų, strategijų ir taktikų diskursinis tyrimas – politinės kalbos nagrinėjimas;
  - tyrimo metodai – psicholingvistinis, sociolingvistinis, kognityvistinis, lingvakultūrologinis, struktūralistinis ir kt.;
  - Rusijos politinės kalbos nagrinėjimas – skirtingų šalių ir epochų politinio diskurso lyginamieji tyrimai;
  - specialūs politinės lingvistikos tyrimai, medžiagos politinės lingvistikos tema, esančios kitų mokslo šakų darbuose, analizė.
- REIKŠMINIAI ŽODŽIAI:** lingvistika, politika, Rusijos kalba, kalbėjimas, tekstas, žanras, stilius, diskursas.

Gauta 2003-04-15

Spaudai įteikta 2003-09-17